

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 13-го декабря 1909 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9864.

КОЛОКОЛА.

Волшебница-весна щедро разсыпала свои дары... Старый садъ утопалъ въ зелени и цвѣтахъ, шопотомъ о чёмъ-то переговаривались молодые листочки, солнце съ материинской нѣжностью ласкало землю, соловьи старались своимъ пѣніемъ разъяснить прекрасное, невѣдомое людямъ, и яблони въ дивномъ блѣдно-розовомъ уборѣ походили на чистыхъ, невинныхъ дѣвушекъ... Бѣлый съ колоннами домъ тоже ожила къ веснѣ: распахнулись широкія окна, дверь на вѣранду привѣтливо открылась, и весело заблестѣла на солнцѣ зеленая крыша. Въ то воскресное майское утро было особенно хорошо и торжественно. Вознося одинъ великий гимнъ Творцу, заливались птицы тысячами голосовъ, черемуха опьяняла своимъ запахомъ, и, какъ море, волновалась колеблемая вѣтеркомъ бѣлая сирень.

У крыльца съ колоннами стоялъ изящный экипажъ, запряженный парой бѣлыхъ лошадей. Старый Сташко принарядился по праздничному и, сидя на козлахъ, нетерпѣливо подергивалъ сѣдой усъ. „И чего не садятся паны? Пора давно ужеѣхать въ костелъ... а еще, вѣдь, сегодня панна Эвелька должна первый разъ причащаться! Какъ бы не опоздать!... бормочеть старый, а лошади, ему въ отвѣтъ, помахиваются длинными гривами. Пробѣжалась черезъ крыльцо горничная Дануся, чистенькая, веселая...

— Подѣзжай ближе, Сташко, уже идутъ.

На крыльцо важной, медленной поступью вышла бабушка, сама „старшая пани“, какъ ее называла прислуза, и, пытливо оглядѣвъ экипажъ, лошадей и кучера, стала садиться, оправляя тяжелое, шелковое платье; за ней, тихо ступая, идетъ Эвелька; на ней бѣлое платье и на головѣ фата. „Совсѣмъ, какъ невѣста,—думаетъ она, и розовые губки складываются въ самодовольную улыбку. Дануся помогаетъ барышнѣ усѣсться и растроганно шепчетъ:

— Молитесь за меня, панна Эвелька, сегодня добрый Іисусъ выслушаетъ всѣ ваши чистыя просьбы...

Сташко трогаетъ возжи, и коляска выѣзжаетъ за дубовыя ворота и плавно катится вдоль каменной бѣлой стѣны, окружающей усадьбу. Эвелька оглядывается на домъ, на бесѣдку, стоящую на горкѣ, на любимую липу, и сердце ея наполняется сознаніемъ чего то святого, великаго, что должно съ ней совершиться въ этотъ день. Бабушка любовно глядитъ на внучку и говоритъ медленно, съ разстановкой:

— Жаль, что твоя покойная мать не подведетъ тебя къ алтарю, къ святыму причастію, но знай—она въ это время будетъ за тебя молиться и смотрѣть оттуда, съ высокаго неба.

Глаза старушки съ дѣтской вѣрой устремляются въ высь, а послѣдовавшая ея примѣру Эвелька слѣдитъ за

Е. И. В. Великий Князь Михаилъ Николаевичъ.

Скончался 5 декабря.

облаками, принимающими разныя фантастическія формы. Когда подѣзжали къ костелу, колокола пѣли дивную пѣснь всепрощенія и любви, и пѣснь эта сладкой волной проникала въ сердце Эвельки, колокола для нея пѣли чарующую пѣснь: вѣдь, она сегодня первый разъ причащалась... Вернулись домой обѣ счастливыя, довольные. Эвелька цѣлый день была молитвенно сдержанна, не бѣгала, не шалила и въ свои четырнадцать лѣтъ казалась совсѣмъ взрослой, а ночью ей снились—Мадонна, бѣлые хоругви, развѣвающіяся ленты...

* *

Черезъ пять лѣтъ Эвелька выходила замужъ. Опять была весна, цвѣли яблони, пѣли соловьи, и на душѣ было радостно, какъ тогда... въ день первого причастія. Утромъ въ послѣдній разъ обошла Эвелька весь садъ, прощаюсь съ каждымъ кустикомъ... Вотъ—полуразрушенная бесѣдка въ паркѣ, откуда она въ первый разъ увидала выѣзжающаго къ нимъ Витольда; вотъ и липа, гдѣ онъ ее первый разъ поцѣловалъ, уже будучи женихомъ. Прощайте, сосновая аллея, вязы... старые клены—завтра Эвельки уже не будетъ, будетъ пани Эвелькина, жена Витольда, которую онъ увезетъ далеко отсюда, въ свое имѣніе. Глаза, большіе, синіе затуманились слезами, и Эвелька ничего не видитъ передъ собой, пока, наконецъ, поспѣшные шаги Дануши не заставляютъ ее оглянуться.

— Вотъ куда забралась панна, а я уже давно ищу; пора одѣваться, дружки ждутъ, и старая пани волнуется. Дануся—попрежнему чистенькая и веселая, какъ и пять лѣтъ тому назадъ. Эвелька одѣвалась, замѣтно волнуясь; вся ея дѣвичья комната утопала въ бѣлыхъ цвѣтахъ, подруги въ бѣлыхъ платьяхъ старались услужить невѣстѣ, а бабушка, глядя на внучку, смахивала слезы съ глазъ. Когда къ крыльцу подали карету, запряженную бѣлыми лошадьми, съ сидящимъ на козлахъ сильно постарѣвшимъ Сташкомъ, Эвелька въ бѣломъ подвѣнченномъ платьѣ вышла на крыльцо, и такимъ счастьемъ дышало все ея молодое существо, что Сташко, глядя на нее, улыбался; и кругомъ стало какъ то свѣтло и ярко. Эвельку повезла къ вѣнцу бабушка, и еще издали долетѣлъ до нихъ звукъ колоколовъ, и Эвелькѣ онъ показался чистымъ и свѣтлымъ, какъ хрусталь. Еще будучи ребенкомъ, любила Эвелька прислушиваться къ звуку колоколовъ; ей тогда казалось, что колокола говорили сказки, ей одной понятныя, или тосковали за Мадонной, какъ говорила старая няня Магда.

— Бабушка! ты слышишь, о чёмъ говорятъ колокола? Они говорятъ: Эвелька! Путь твоей жизни съ любимымъ устанешь будешь ковромъ изъ цвѣтовъ, ты будешь счастлива,—посмотришь!

Бабушка ласково улыбается:

— Какое ты дитя еще, Боже, какое дитя!

Въ костелѣ все въ глазахъ Эвельки подернулось розовымъ флеромъ, сквозь который, какъ два факела, горѣли черные глаза Витольда. Звуки органа дивной мелодіей вливались въ душу, и ласково глядѣли лики святыхъ. Увѣренно повторяла Эвелька слова клятвы, и глаза ея, большие, лучистые, съ вѣрой устремлялись въ алтарь. О! она вѣрить,—она будетъ счастлива, колокола сказали это ей. Поздно вечеромъ на другой день прїѣхала Эвелька въ свой новый домъ, и въ темнотѣ онъ ей показался мрачнымъ и суровымъ. Въ огромныхъ сѣняхъ было неуютно и пахло сыростью, въ залѣ строго глядѣли съ портретовъ хмурыя лица предковъ, и Эвелька, проходя длинную анфиладу комнатъ, робко прижималась къ плечу Витольда, а онъшелъ счастливый, съ сияющими глазами. Утромъ запущенный паркъ околоводавъ Эвельку: восхищенно смотрѣла она на журчащіе ручьи, статуи боговъ, на невиданные цвѣты... Тихій голосокъ вывелъ ее изъ задумчивости:

— Пани понравилось здѣсь? Передъ ней стояла красивая, черноглазая дѣвочка, лѣтъ двѣнадцати.

— Откуда ты?

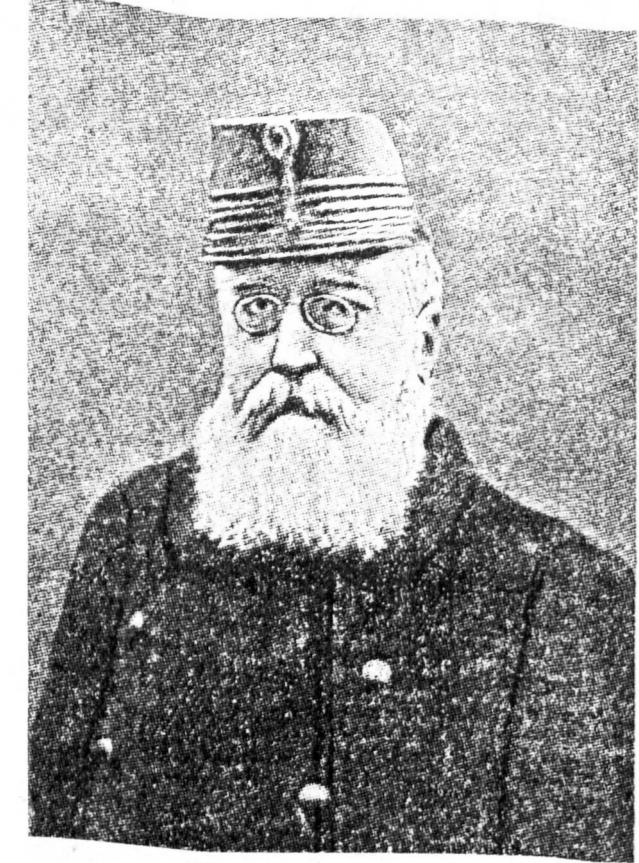
Эвелька удивилась, а дѣвочка звонко рассказывала:

— Моя мать здѣсь служитъ кухаркой уже давно, панъ не запрещаетъ мнѣ бѣгать по саду... зовутъ меня Наталька.

Съ тѣхъ поръ Наталька стала приходить къ Эвелькѣ учиться читать и часто гуляла съ ней по парку, который кончался крупнымъ обрывомъ. На днѣ этого обрыва было всегда темно, и плѣсенью вѣяло отъ стоявшего тамъ старого колодца. Изъ него давно уже никто не бралъ воды, и говорили, что по ночамъ приходили наяды и, сидя на краю колодца, расчесывали свои длинные волосы при свѣтѣ луны. Эвелька полюбила это мѣсто за его легендарность и ходила сюда всегда почти одна,—Витольдъ не любилъ мрачнаго колодца, а маленькая Наталька его боялась...

Прошло еще пять лѣтъ, безоблачныхъ на горизонѣ счастья Эвельки съ любимымъ мужемъ. Наталька выросла, возмужала и очень похорошѣла,—она теперь исполняла обязанности горничной при молодой пани и была очень старательна. Потомъ? Какъ это случилось? Эвелька стала замѣтать растерянность мужа, вспыхивающіи щеки Натальки и, наконецъ, застала ихъ вмѣстѣ въ бесѣдкѣ. Какъ громомъ пораженная, бѣжала Эвелька по парку, желая укрыться отъ людскихъ глазъ... бѣжала прямо къ обрыву. О! здѣсь она можетъ предаться горю свободно... и деревья сочувственно шумѣли листьями, и бѣлка испуганно жалась къ соснѣ. Наступалъ вечеръ, въ обрывѣ совсѣмъ стемѣло, а Эвелька, какъ безумная, сидѣла на краю колодца и смотрѣла въ его зияющую бездну—кто-то невидимый и сильный толкалъ ее, и когда утромъ взошло солнце—люди баграми вытащили изъ колодца холодный посинѣвший трупъ. Витольдъ въ отчаяніи рвалъ на себѣ волосы. Прѣѣхала старая бабушка, и грустно звонили въ костелѣ. О, колокола, зачѣмъ вы соглагали Эвелькѣ?

М. Т.

Леопольдъ II.

Король бельгийский, скончавшійся 4 декабря.

Племянникъ покойного короля Леопольда II, принцъ Альберт-Леопольдъ, сынъ Филиппа, гр. Фландрскаго, вступившій теперь на бельгийскій престолъ подъ именемъ короля Альберта I, и новая бельгийская королева Елизавета. Молодой король родился 8 апреля 1875 г. въ Брюсселе, королева—25 июля 1876 г. въ Баварии.

Почти половина этого четырехугольника занята письменнымъ столомъ, беспорядочно заваленнымъ газетами, бумагами, брошюрами, книгами и афишами.

За столомъ сидѣтъ редакторъ Казанцевъ, онъ же передовикъ, онъ же ведущий отдѣлы вырѣзокъ: послѣднія вѣсти, столичная и провинциальная жизнь, новости литературы, научные открытия, за-границей и областная жизнь, онъ же завѣдующій типографіей и онъ же корректоръ. Это низенький, курносый, вихрастый господинъ, не то чтобы старый и не то чтобы молодой, какой-то выцѣвѣтшій, съ безцвѣтными баками и рыжеватыми усами.

Онъ вырѣзаль статью „Винная монополія“, статья въ 123 строки, и Казанцеву кажется необычайно длинной, надо не больше 60—70 строкъ и надо, значитъ, выбросить кое-что изъ нея въ серединѣ. Онъ придумываетъ, что бы выбросить, но первая строка статьи: „Винная монополія, существующая...“ назойливо вертится въ головѣ, привязавшись ни къ селу ни къ городу, и мѣшаетъ сосредоточиться.

— Отъ слова „пьянство“ до слова „необходимо“ можно выбросить,—думаетъ онъ. Винная монополія, существующая, винная монополія, существующая.

— Тыфу, чортъ!

Онъ скимаетъ кулакъ и грозить имъ нѣсколько разъ своему лбу. Потомъ сердито вычеркиваетъ 41 строку и начинаетъ снова читать статью съ начала.

Кругомъ стучать машины: печатаются на завтра афиши о прѣѣздѣ звѣринца, о распродажѣ готоваго пластика заграничныхъ сортовъ“. Воздухъ напитанъ специфическимъ типографскимъ запахомъ, напоминающимъ что-то среднее между запахомъ керосина и бензина. Понедѣльникъ—и поэтому большинство рабочихъ, послѣ воскресной выпивки, глядятъ мрачно съ видомъ покушающагося на самоубийство.

Казанцевъ кончаетъ чтеніе и смотритъ на часы!—4 часа... А хроника нѣтъ, да и фельетониста; ну, фельетонистъ того... все равно. А хроникеръ. Что, если ничего не принесется. Какъ тогда газету выпускать?

Уже обѣдать пора, есть страшно хочется, а нельзя уходить. Дѣти, вернувшись изъ гимназіи, ждали его до 4-хъ часовъ и теперь, навѣроно, обѣдаютъ и дѣти и жена.

По лѣстницѣ слышатся шаги.

— Кажется, Кочаровъ. Его походка. Наконецъ-то.

Дверь отворяется, и стремительно влетаетъ хроникеръ: тонкій, высокій молодой человѣкъ, лѣтъ 26-ти, въ пенснѣ и съ огромной шевелюрой.

— Семенъ Семеновичъ, почему такъ поздно?—встрѣчаетъ его редакторъ.

— Нельзя было, нельзя... Сидѣль въ „Экспрессѣ“, обсуждали тамъ новую программу картины. Ну, я и ждалъ. Хотѣли рѣшеніе отложить до завтра, да я настоялъ. Знаете, сегодня скучно, вѣдь, по части хроники, а теперь всетаки лишняя замѣтка. Ну, не герой ли я?

— Замѣтка, положимъ, не очень важная.

— Эхъ, на безрыбье и ракъ рыба.

— Что же у васъ еще есть?

— Объ увеличеніи числа электрическихъ лампочекъ въ помѣщеніи для оркестра, о температурѣ воды въ купальняхъ, о гниломъ тротуарѣ, о побитіи стеколь въ домѣ № 17, по Побережной улицѣ.

— Драка была?

— Нѣтъ, мальчишки яблоками кидались.

Казанцевъ морщится.

— Ну и хроника.

— Вотъ видите... Благодарите, что на перемѣнѣ картинъ настоялъ. Этой замѣткой и откроемъ хронику, а то былъ бы совсѣмъ конфузъ, если бы завтра начинали хронику съ гнилого тротуара.

— Плохо вы радѣете о газетѣ, Семенъ Семеновичъ. Эхъ, вы... Я бы на вашемъ мѣстѣ убилъ кого-нибудь, чтобы имѣть потомъ материалъ на цѣлую недѣлю.

— Нѣтъ-съ, ужъ лучше вы убивайте, а я опишу. Такъ выйдетъ, думаю, удобнѣй. Ха-ха-ха...

Чуть брезжитъ разсвѣтъ.

Казанцева только что разбудили.

Черезъ десять минутъ номеръ начнетъ печататься, и передъ тѣмъ необ-

ходимо еще разъ провѣрить: все ли въ порядкѣ. Онъ проглядываетъ оттиски слипающимися глазами, ему что-то нездоровится, лихорадитъ, побаливаетъ немногомъ головы.

Два наборщика, съ пьяными сонными лицами, копошаются въ типографіи. Одинъ низенький, коренастый, весь обросшій щетиной, бурчитъ что-то про себя. Другой, длинный и тонкій, какъ аршинъ, приговариваетъ наставительно, послѣ длинныхъ паузъ.

— Полегче... полегче...

Проходить нѣсколько минутъ.

— Фу, чортъ,—вдругъ произнесъ низенький довольно громко.

— Чего ругаешься?

— Гм... Я того... а оно... вотъ тебѣ.

И наборщикъ тычетъ пальцемъ на часть разсыпавшагося набора.

— Чего я бы копошился,—говоритъ длинный и шепотомъ прибавляетъ.

— Справляй шибче, чтобы нашъ не замѣтилъ, ато нагоняй будетъ.

— Наплевать!—выкрикиваетъ низенький.

Казанцевъ поднимаетъ голову, растроенно оглядывается и говоритъ.

— Потише. Что тамъ такое?

Наборщики смолкаютъ. Низенький, сопя разыскиваетъ оригиналъ статьи, часть набора которой разсыпалась. Наконецъ, находить. Его руки послѣ похмѣлья дрожатъ, строчки прыгаютъ передъ глазами. Онъ морщится лобъ, ерзаетъ, крякаетъ. А потомъ опять начинаетъ ворчать.

— Тыфу, дьяволъ! И придумаютъ... Федька, а Федька.

— Что тебѣ?—спрашиваетъ длинный.

— Что братъ, есть такое слово монполье?

— Монполье?.. А чего ему не быть? Всякое слово бываетъ. На то оно и слово.

— Эге... Прекрасно.

Казанцевъ, заинтересовавшись, прислушивается.

— О чѣмъ они тамъ?

Но наборщики замолкаютъ.

Черезъ пять минутъ онъ кончаетъ просмотръ послѣдней страницы, дѣлаетъ распоряженіе, чтобы приступили къ печатанію и разслабленной походкой уходить спать.

Раскрывшіи на слѣдующій день свѣтій номеръ, Казанцевъ блѣднѣеть и, схватившись за голову, шепчетъ въ ужасѣ!

— Что такое? Боже, что такое?

На первой страницѣ красуется заглавие:

„Выйное монполье“.

Казанцевъ глядитъ на заглавіе прямо безумными глазами и вдругъ ходѣтъ и въ безсиліи опускается на стулъ.

Статья начинается словами:

„Выйное монполье существоующая“.

— Убили, убили!.. Совсѣмъ убили!—шепчетъ Казанцевъ.

В. Унковскій.

СМѢСЬ.

Гильотина на аукціонѣ.

На днѣхъ въ Парижѣ состоится аукціонъ по распродажѣ различныхъ предметовъ, имѣющихъ большее или меньшее историческое значеніе. Между прочимъ, въ числѣ продаваемыхъ

В. О. Ключевскій.

По случаю 30 лѣтія его ученой дѣятельности. (См. № 9857. „Южного Края“, отъ 5 декабря).

Памятникъ М. М. Антокольскому,
на еврейскомъ преображенскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ.

предметовъ находятся часы Маріи Антуанеты... гильотина 1793 г., которая „великолѣпно“ поработала во время террора. На гильотинѣ еще можно прочитать нѣкоторыя надписи тѣхъ временъ. На двухъ ея столбахъ висятъ фригийскія шапочки.

Начало желѣзного вѣка.

Обыкновенно думаютъ, что употребление желѣза—африканскаго или, по крайней мѣрѣ, азиатскаго происхождѣнія. Англичанинъ Риджвей въ своемъ послѣднемъ трудѣ „Начало желѣза“ говоритъ, что на самомъ дѣлѣ египтяне стали ковать желѣзо только въ IX вѣкѣ до Р.Х., а ливійцы не употребляли его еще за 450 лѣтъ до Р.Х.; семиты очень долго не знали желѣза,

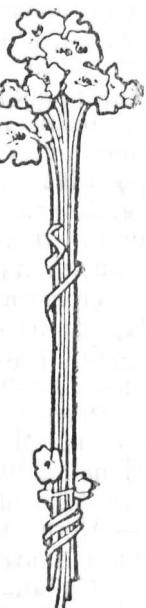
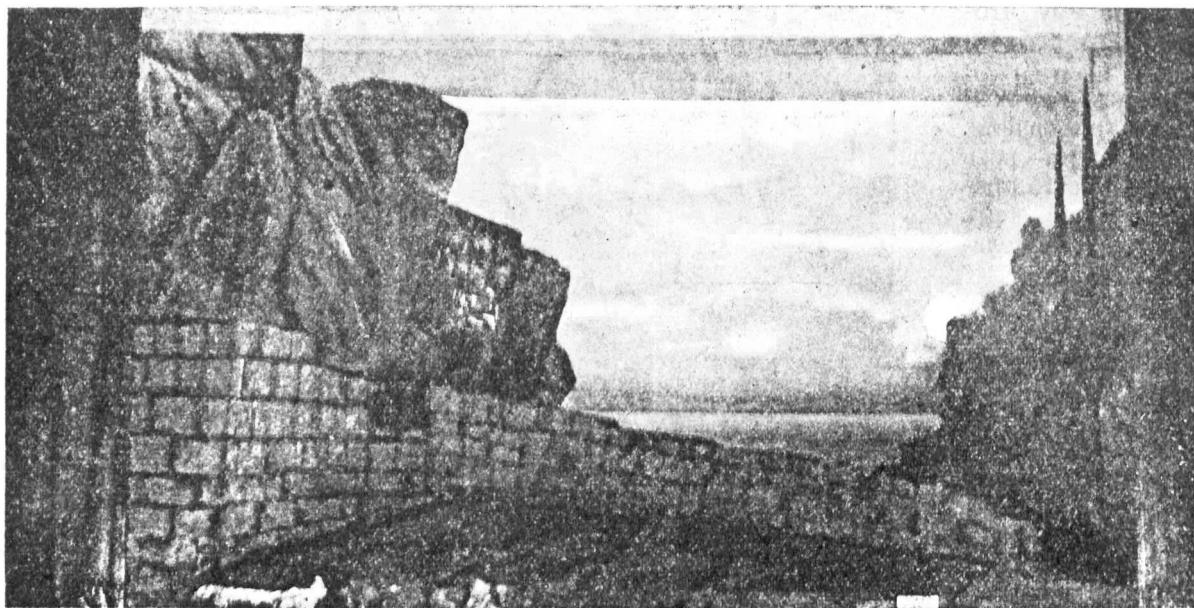
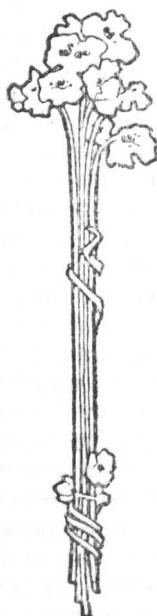
а въ Угандѣ съ нимъ познакомились всего пять или шесть вѣковъ тому назадъ. Въ Китаѣ о желѣзѣ стали упоминать всего за 400 лѣтъ до Р.Х., а бронзовое оружіе употреблялось въ Японіи еще въ семисотыхъ годахъ. Но, по Риджвею, центральная Европа была колыбелью желѣзного вѣка. Такъ, въ Галльштадтѣ желѣзо вводилось мало-малу, и сначала имѣ украсили бронзу, т. е. на бронзѣ дѣлались желѣзныя настѣчки, пока, наконецъ, оно совершенно не выѣснило мѣдь. То же самое замѣчается въ Трансильвании и въ боснійскихъ старинныхъ могилахъ. Во всѣхъ же остальныхъ областяхъ желѣзо появилось внезапно, что свидѣтельствуетъ объ его иностранномъ происхождѣніи. Впрочемъ, есть указанія, что уже въ древнѣшемъ Египтѣ желѣзо было извѣстно, но метеорологическаго происхождѣнія, и его ковали, а не плавили. Техника обработки желѣза всецѣло принадлежитъ центральной Европѣ.

Телефотъ. Новое изобрѣтеніе. Не такъ далеко то времѧ, когда, сидя въ креслѣ своего кабинета, можно было не только вести бесѣду съ лицомъ, отдаленнымъ на сотни verstъ, но и видѣть собесѣдника. Изобрѣтенія молодого ученаго Жоржа Ринью даютъ намъ, по меньшей мѣрѣ, возможность надѣяться на близость осуществленія этой возможности. Выслушаемъ же его объясненія:

„Аппаратъ передаточной станціи очень простъ: выгнутое зеркало проектируетъ лучи электрической лампы въ 2,800 или 3,000 свѣтъ на предметъ, изображеніе котораго должно передать. Освѣщенный такимъ образомъ предметъ проектируется на экранѣ, состоящемъ изъ 64 ячеекъ селена и образующемъ какъ бы искусственную ретину. Въ виду того, что селенъ реагируетъ на свѣтъ, каждая ячейка его посыпаетъ токъ, сила которого пропорціональна силѣ освѣщенія. Такимъ образомъ, игра свѣта и тѣни, превращающаясь въ электрическій токъ разной силы, бѣжитъ по 64 проводамъ въ станцію назначенія. Въ прѣемномъ аппаратѣ цѣлый рядъ маленькихъ зеркалъ, освѣщающихся и гаснущихъ въ зависимости отъ тока, воспринимаемаго маленькими гальванометрами. Свѣтовые лучи, бросаемые этими зеркалами на экранъ, и возздоряютъ изображаемый предметъ на станціи назначенія“.

Такъ говорить Ринью. Однако, онъ прибавляетъ, что для того, чтобы передать сложные предметы, лица и движенія, потребенъ экранъ изъ селена, содержащій не менѣе 3000 или 4000 ячеекъ и соотвѣтственаго количества проводовъ. Доколѣ не будетъ найдена возможность передавать всѣ эти токи по одному проводу, аппаратъ Ринью не будетъ имѣть практическаго значенія. Надѣй этой то задачей и работаетъ теперь молодой изобрѣтатель.

Къ постановкѣ „Анатэмы“ въ Городскомъ театрѣ. 6-я картина.

Участники грузинского вечера въ Харьковѣ.

ЦЕНТРАЛЬНА МАЛКОВА
БІБЛІОТЕКА ХДУ
Ін. № 93289